

ВЕК КОШМАРОВ

Максим Кабир
Дмитрий Костюкевич

Полтергейст Пресс

УДК 82-3

ББК 84(7Coe)6-4

Полтергейст Пресс

МАКСИМ КАБИР, ДМИТРИЙ КОСТЮКЕВИЧ

Век кошмаров/Максим Кабир, Дмитрий Костюкевич — Полтергейст Пресс,
2022. — 384 с.

ISBN: 978-5-521-76446-4

«Век кошмаров» — леденящее кровь путешествие сквозь десятилетия отечественной истории, ведущее из глухих лесов прошлого в столь же непроходимые дебри настоящего.

Древние боги и инопланетные посетители, ужасы войны и катастрофические находки ученых, мстительные призраки и обезумевшие пророки — за вереницей кошмаров скрываются вплавленные в плоть и души героев чувство долга, любовь и надежда, а также непреходящая тоска по чему-то родному, но подчас недостижимому.

Следуя за неумолимым ходом повествования и вместе с персонажами попадая в самые неожиданные ситуации, будьте бдительны: ужас многолик и порой намного ближе, чем кажется.

Первое Издание

Публикуется по договоренности с авторами

© Полтергейст Пресс, 2022

© Максим Кабир, 2022

© Дмитрий Костюкевич, 2022

© Т8 Издательские технологии, печать 2022

ISBN: 978-5-521-76446-4

«Спасибо двадцатому веку за то, что прожил в нём семнадцать лет»
— *Максим Кабир*

«Спасибо моей семье — единственно верной системе исчисления
времени»
— *Дмитрий Костюкевич*

СОДЕРЖАНИЕ

Сонечка	9
Буйный	37
Марионетки	61
Апрель в Гаграх	91
Крапива	111
На север	137
Прах	157
Глубже, тоньше	209
Под пустым небом	239
Нараспашку	261
Морой	295
Скверна	327
Под звуки бузуки	355

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

[нулевые]

СОНЕЧКА

ЭТУ ДЕВОЧКУ ВИДЕЛ каждый, кто интересовался историей города. На канонической фотографии Карла Гуннеля она позирует около фонтана, где ныне высится гранитный Ильич. В книге «Шестин в двадцатом веке» она ошибочно именуется дочерью фотографа, но никакой дочери у Гуннеля не было, только сын тысяча девятисотого года рождения. С лёгкой руки музейного экскурсовода девочку называют «Сонечка», но истинное её имя кануло в Лету.

Просто милая крошка возле фонтана. Глухое белое платье со стоячим воротничком, просторный бурнус, шляпка с цветком. На ногах то ли клетчатые колготки, то ли высокие сапоги. Тонкая коса спускается до середины бедра. Настоящая маленькая леди.

Семён Киселёв любил придумывать биографии людям на старых снимках. Вот уличный лудильщик, у него трое детей и сварливая супруга, которую он побаивается. Вот продавец льда, холостяк, любитель имбирного пива. В революцию попадёт под раздачу, но выкрутится и разбогатеет при НЭПе. А вот малолетний чистильщик обуви, пройдёт войну и доживёт до семидесятых.

Сонечка, фантазировал Киселёв, посещала училище второго разряда. Ей давалось рисование, рукоделие, танцы. Хуже с точными науками: учителя часто пеняли, что она отвлекается, ловит мух. На Законе Божьем батюшка неоднократно бил указкой по руке: не спать!

Сонечка была хорошенькой и знала об этом. Пройдёт пара лет, и она будет пользоваться своей красотой, сводя с ума парней. Но солнечным утром тысяча девятьсот шестого у Сонечки прескверное настроение, уголки её губ опущены, она смотрит исподлобья в объектив, не ведая, что станет безымянной героиней самой известной фотографии Шестина, и зеваки будут прикидывать, отчего девочка не в духе.

Было второе фото Сонечки, менее растиражированное. И оно вызвало уйму вопросов, хотя на первый взгляд мало чем отличалось от классического. Сторонний зритель сказал бы, что сделаны снимки в один и тот же день. Белое платье, бурнус, сложенный зонтик в руках по-прежнему хмурой малышки. Она стоит дальше от Гуннеля, и видны теперь клетчатые чулки и шнурованные броги с перфорацией. Фоном служит Кропивенский мост, хорошо знакомый жителям Шестина.

— Где ты это взял? — Киселёв изучал желтоватую фотокарточку. Его старший коллега Холмогоров прихлёбывал пиво. Краеведы расположились в пабе на набережной.

— Нашёл в запасниках случайно. Рекламная фирма запросила фото старого Шестина. Ничего не смущает?

Смущает, конечно. Пальцы Киселёва скользнули по плёнке, в которую Холмогоров запалял карточку.

Кропивенский мост построили в одиннадцатом году. Через пять лет, как минимум, после дня, когда Сонечка и фонтан стали частью городской истории.

— Но она не изменилась ни капли, — пробормотал Киселёв. — Одежда, зонтик, выражение лица. Она...

— Не повзрослела, — кивнул Холмогоров, довольный произведённым на друга впечатлением.

— Ты проверял её подлинность?

— Обижаешь! И вердикт однозначный. Это не подделка. То есть либо неверно датировали первый снимок, что, как ты понимаешь, не возможно, либо...

— Либо Гуннель законсервировал эту юную особу, — мрачно сострил Киселёв. И всмотрелся в сердитое личико, насупленные брови.